

Юрий Бондарев

Юрий Васильевич БОНДАРЕВ, выдающийся русский писатель, родился 15 марта 1924 года в г.Орск Оренбургской области. В 1931 году семья переехала в Москву. С августа 1942 года Бондарев на фронтах Великой Отечественной войны в звании младшего лейтенанта. Окончил Чкаловское артиллерийское училище и Литературный институт им. А.М. Горького. Дебютировал в печати в 1949-ом. Широкая известность пришла к нему после публикации повестей «Батальоны просят огня» (1957) и «Последние залпы» (1959), покоривших читателей неподдельной искренностью «копюлькой правды». Романы «Горячий снег» (1969), «Берег» (1975), «Выбор» (1980) «Игра» (1985), «Искушение» (1991) утвердили славу Бондарева как одного из самых талантливых писателей о войне и жизни вообще. Герой Социалистического Труда, Почётный гражданин Волгограда, лауреат Ленинской и Государственной премии СССР, Государственной премии РСФСР, Премии Льва Толстого, Международной премии им. М.А. Шолохова, Всероссийской премии «Сталинград», Премии Александра Невского, Премии В.К. Тредиаковского, Международной литературной премии им. В.И. Дала. Кавалер двух орденов Ленина, ордена Трудового Красного Знамени, ордена Октябрьской революции, ордена Знак Почёта, ордена Отечественной войны I степени, двух медалей «За отвагу», медали «За оборону Сталинграда», медали «За победу над Германией». Действительный член Русской академии, Академии российской словесности, Международной славянской академии, Петровской академии, Крымской академии, почётный член пушкинской академии, Академии русской словесности и изобразительных искусств им. Г.Р. Державина, Почётный профессор Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Цикл миниатур «Мгновения», пожалуй, вершина творчества Юрия Бондарева как писателя-мыслителя и анатома тончайших человеческих переживаний, способного в миге угадывать сущность бытия. Некоторые из этих блестящих, невыдаваемых миниатур «ОЛТ» публикует на своих страницах.

Молитва
...И если на то будет Воля Твоя, то оставь меня на некоторое время в этой моей скромной и, конечно, грешной жизни, потому что в родной мой России я узнал много печали её, но ещё не узнал до конца земную красоту, таинственность её, чудо её и прелесть.
Но дано ли будет познание несовершенному разуму?

Свобода
Когда человек судорожно держится за жизнь, он находится в мучительном телесном рабстве. Как только исчезает алчное насыщение жизнью, наступает свобода от страха смерти. И тогда человек свободен безгранично.

В дальнейшей послевоенной молодости.
Её давно уже нет, и нет нашей общей молодости, и нет тех запылённых тополей на углу и мохнатых серёжек на тротуаре, по которому так звучно стучали её каблучки, когда она, улыбаясь, подходила к полям, месту наших встреч. И нет той послевоенной ночной Москвы, тихих улиц, и так заросших липами замоскворецких переулков, что сквозь листву узкими пятнами пробивался свет фонарей. И нет тех пустынных под звездами площадей и вкрадочно шумящих в ночи последних троллейбусов - ничего не осталось от той счастливой поры, которая не раз снилась мне в проклятых холодом траншеях. А когда мы шли с ней по этой ночной Москве, шли, не зная куда, лишь бы всё время быть вместе, шли, как в полуне, вдруг одновременно останавливались, долго и пристально смотрели друг на друга, видя только один глаза, тогда я осторожно пригитивал её к себе - нежную податливость её губ я чувствую до сих пор, как помню и её юною безлизу зубов в неуверенной улыбке, и слышу звук её голоса:

...Что же дальше будет с нами?
- Всё будет в порядке, - отвечал я не без решительной смелости. - Я хочу, чтобы ты стала моей женой. Я люблю тебя и больше полюбить никого не смогу...
- Женой? - с ласковым удивлением подняла она брови. - Ты можешь представить себя моим мужем? А я не могу представить себя женой. Ты не обижайся, пожалуйста.
- Я хочу, чтобы у нас была дочь, похожая на тебя, - продолжал я, словно не слыша её. - Именно на тебя.
- Но как же мы будем жить, - не то замялась, не то вздохнула она и обняла меня. - Два студента, две маленькие стипен-

дии... И оба на первом курсе. Я думаю, на войне ты не был идеалистом.
- Я люблю тебя и больше ничего не хочу знать! - сказал я с неотражимой горячностью. - Что ж, брошу институт, найду какую-нибудь хорошую работу, мы снимем на окраине недорогую комнатку, если ты, конечно...
Я замолчал. Она настороженно поторопила меня:
- Что конечно?
- Если, конечно, ты согласишься быть моей женой, - договорил я уже без прежней смелости. - Если ты по-настоящему любишь меня...
Она взглянула изумлённо.
- Но разве можно любить по-настоящему или не по-настоящему? Я люблю тебя и больше добавлять ни слова не буду. Но, знаешь, лучше о будущем говорить не надо. Это как-то странно, и даже... ну, я не знаю, как сказать... несерьёзно, что ли, прости меня.
- А что же серьёзно? - не удержался я от обиженной усмешки, задетый её словами. - Разве несерьёзно, что я люблю тебя и верю, что ты тоже... Не понимаю: почему же несерьёзно?
- Не надо хмуриться, - она взяла меня за плечи, приблизила лицо к моему с просящим выражением, будто упрекая и меня, и себя за непонимание. - Я умоляю тебя, не говори ничего о нашем будущем. Не надо касаться того, что сейчас неисполнимо. Лучше скажи - тебе сейчас хорошо со мной?
- Слово «хорошо» не подходит, сказал я, стараясь говорить по-лейтенантски bravо, и тут же произнёс пошлость: - Я, как влюблённый мушкетёр, готов покланяться на шагге, что безумно люблю тебя!
Она, сдерживая улыбку, приложила палец к моему подбородку.
- Не надо никакой шагги. Я и так знаю, за что ты получил ордена, хотя ты мало рассказывал о себе, - добавила она голосом мягкой иронии. - Я чувствую, в тебе ещё живёт фронтовой лейтенант, ты ещё окончательно не вернулся с войны.
- Нет, я вернулся и нашёл... встретил тебя. Разве мне нужно что-нибудь ещё?
- Кроме меня? Да? Ты так хотел сказать?
- Кроме тебя. Я так хотел сказать.
Она вдруг придвинулась ко мне совсем вплотную, откинула голову, закрыла. Как показалось мне, лучшаясь смехом глаза и проговорила шёпотом:
- Тогда поцелуй меня тихо-тихо, ласково-ласково, а то ты так меня целуешь, так сильно обнимаешь, будто я могу убежать от тебя.
Я поцеловал её, едва касаясь её губ, удивительно покорных, с трудом удерживаясь, чтобы не прижать её всю к себе, что испытывал каждый раз, когда ощущал её губы, её дыхание, её близкую грудь, выходящую у меня нечто вроде дурманного головокружения, и её передавало это, и она со вздохом, похожим на еле слышный стон, прижималась ко мне, готовая во всё подчиниться, и вместе с тем прося защиты слабым шёпотом: «Я хочу, но боюсь».
Нет, ни я, поглупевший от любви недавний лейтенант, ни она, готовая к последнему, не переступили почему-то эту последнюю грань нашего молодого оживающего чувства друг к другу. И я, проживший долгу жизнь, много знающий о пружинах человеческой жизни и смерти, с горечью сознаю, что все современные науки беспомощны перед непознаваемостью самого сложного и тайного, ничем не объяснимого чувства, данного нам какой-то космической силой вместе с энергией жизни.
На рассвете после нехорошей бессонной ночи, я в смутной тревоге подохожу к окну и, видя белеее безмерное небо, ощущаю, что мой земной срок подходит к концу и уже недалёк несведёльный день моей завершающей судьбы.
Я захожу по комнате, равнодушно смотрю на книжные полки, где собрана вся мудрость мира, смотрю на развешанные меж полок картины, подаренные в годы моих юбилеев художниками, на изысканные вазы, на военные кортики и кавказские кинжалы, на разноцветные ленты иностранных наград, которыми втайне гордилась моя покойная жена и мой сын, полковник, преподаватель военной академии. Но странно: ни была известность, ни награды, ни хвалебные статьи, ни громкие слова коллег уже не трогают моего тщеславия, не задевают душу.
И мысли мои сейчас не здесь, не в кабинете, напоминающим прожитую жизнь, а в послевоенной молодости, такой далёкой и близкой, навсегда ушедшей и навсегда оставшейся во мне, как её взгляд, снизу вверх, нежный, отдающийся и чутко чувствительный. Да, я останавливал её под фонарями, чтобы видеть её подтятое лицо, и целовал её с нетерпеливой страстью, но не зная меры, а она заржалась моей ненавистностью, у неё начинали дрожать ресницы, брови, колени, и мы с невероятным усилием отрывались друг от друга.
- Не надо так меня целовать, едва слышно умоляла она пропадаящим голосом. - Я уже не могу. У меня нет сил...
И я до сих пор жалею, что её женское благородие тогда победило фронтового лейтенанта, и теперь с опасной высотой своих критических лет я понимаю, что извечное естественное не завершилось в той нашей юной чистой любви и, быть может, поэтому я люблю её до сих пор и даже помню милый стук её каблучков на гулких ночных тротуарах.
Уже нет старой полупровинциальной Москвы, её тихих переулков, дремлющих под навесом лип, её затихших площадей, где мы до рассвета гуляли с ней, шли, куда глаза глядят.

Её давно нет на белом свете, а я вижу её так отчётливо, с такой тоской по канувшему без возврата прошлому, с неутраченной силой любви, что влук благодарю Бога, что никто не видит сейчас старого и слабого учёного, жалко-одинокого в своём опустылевшем кабинете.
Правда есть красота
«Литература есть одна из форм проявления действительности, потребность красоты и творчества, воплощающего её неразлучность с человеком» (Достоевский).
Культура превращает теоретические проблемы в практические. Я против рационализма, против подчинения искусства практическим проблемам века, но я верю в его преобладающую цель.
Своей силой слова и чувства литература помогает нам понять самих себя, более того, способствует пересоздавать общество, преодолевать зло, аморализм и переходить в мир спасительной правды, что несомненно есть красота.
Постоять в одиночестве
В последние годы она всё чаще снится мне...
Я живу себя в радостной поре детства, а её молодой, красивой, какой была она в далёкие-далёкие тридцатые годы в Замоскворечье, в дни безоблачной любви её с отцом. Почему-то я вижу её гладко причёсанную, в бархатном платье с высоким воротником, облегавшим её белую нежную шею, с закрытыми руками до тонких запытий, тоже нежных, родных, которые я поцеловал раз в жизни, когда она болела. Чуть повернув голову, она смотрит на меня тёмным светлым взором, таким же любящим, и без слёз, глазами, спрашивает меня о чём-то, обеспокоенная чем-то... И я прощаюсь со сдвоенным стоном в горле, проклиная свою светлую жизнь, с неизбывной потерей сознания, что её нет на свете уже много лет, моей верной матери. И тогда, не прощая себя ничего, я думаю: это она так вспоминает обо мне и просит прийти дуга, где я навечно простился с ней, и постоять там, и поговорить, и молча рассказать о своём одиночестве.
Древний звук
Отсюда исходил первобытный запах холода, и я видел глухую русскую зиму, занесённую метелью деревню в лесу, косо торчащие из сугробов изгороди, густо-фиолетовую ночь без единого огонька. Эта заваленная снегами дикая ночь угрожающе мрачно трещала на морозе деревьями, где скрабами мелкали из изгородями, хитро вспыхивали зрачки волчьей стаи, горько пахло в лютый стужае остывшим дымом. А меж чёрных пикелей с ритуальной неистовостью горело, сияло, сверкало близкими звёздами небо, объединяясь с землёй в священном союзе, и огромное созвездие Лебедь так широко распростёрло в полёте свои алмазные крылья над лесами, косогорами, над заволшебными пространствами Руси, что хотелось упасть на колени перед этим величием мира, понимая ничтожество человеческой гордыни, хитроумно присвоившей себе звание властелина природы...
Всё это напомнил мне однообразный звук в моём саду, повторяющийся в ветреные сентябрьские ночи. Осеннее скрипучее пение издавала молодая берёза, тшущаяся о старую ель, и я часами слушал этот древний звук, пришедший из давних веков.
Сталинград
В акуратном чистеньком номере монхенской гостиницы мне не спалось. Фиолетовый сумрак декабрьской ночи просачивался сквозь густо залепленное снегом окно, вкрадиваясь-дремотно пощёлкивая в тишине электрическое отопление, а мне казалось чудовищным, невероятным, что я нахожусь в немецком, страшном своей еляй словой городе, откуда началось всё: война, кровь, концлагеря, газовые камеры.
Я вдруг отчётливо вспомнил утренный разговор с монхенским издателем, включив настольный свет и стал просматривать газеты. И тотчас в глаза бросился крупный заголовок «Сталинград», а под ним несколько фотографий: суровая сонарица, в наслаждении после боя пьющие русское молоко в захваченных станицах, в двух тысячах километров от Берлина. Они продвигались с огромными потерями, но они всё-таки продвигались к Волге.
В ликующей Германии звучали фанфары. Гремели марши по радио. Впервые в истории немецкий солдат вот-вот почерпнёт своей плоской алюминиевой кружке волжскую воду и с чувством победителя попишет о нём в хвалебном тоне. Называют его стратегом и даже не побеждённым на поле боя. Задаёт ему несколько вопросов, чтобы старый пруссак понял,

что он участник преступления. А впрочем, сейчас...»
Издатель решительно подошёл к телефону и через справочную узнал номер фельдмаршала. Я хорошо слышал последующий разговор. Старческий голос в трубке надолго замолчал, как только издатель сказал, что господину фельдмаршалу хочет задать несколько вопросов русский писатель, занявший изучением материалов Второй мировой войны, в том числе, конечно, и Сталинградской операции.
Длилась томительная пауза, потом старческий голос не без удивления переспросил: «Русский писатель? О Сталинградско? - и опять после паузы, с пунктуальностью военного: - Какие именно изучаете вопросы?» Затем, после осторожного молчания: «Пусть изложит письменным вопросом». Затем, после длительной паузы: «Я всё сказал в своей книге „Потерянные победы“». О себе и о Паулосе. И наконец: «Нет-нет, я никак не могу встретиться, я простужен, господин издатель. У меня болит горло. Я плохо себя чувствую».
- Я так и думал, - сказал издатель, положив трубку. - У этих воjak всегда болит горло, когда надо серьёзно отвечать.
В сущности, я не очень хотел бы этой встречи с восьмидесятилетним гитлеровским фельдмаршалом, ибо испытывал к

калены русским солнцем, русская пыль густым слоем покрывала крупновскую броню. И этот горячий запах русской пыли, запах выжженных приволжских степей сильнее порционного рома опьянял солдат и наркотически опьянял Берлин, на весь мир шумевший победными речами. В рейхсканцелярии ежедневно устраивались роскошные, почти древнеримские приёмы, на которых высшие чины рейха и генералы с самоуверенными выбритыми лицами, внушительно сверкая орденами на парадных мундирах, жали друг другу руки между глотками шампанского, а женщины, обольстительно улыбаясь, блистали драгоценностями, награбленными в павшей Европе и на завоеванных территориях «жизненного пространства». Весь мир затаил дыхание: казалось, ещё шаг немецкой армии - и Россия падёт. В те же опьяняющие победы месяцы хромающий, сухощавый человек с сильными надбровными дугами - рейхсминистр Геббельс, как бы забыв о великих «идеалах немецкого народа», о которых он так наигранно-страстно любил говорить, уже нестеснительно заявил на весь мир, что цель войны - «набить себе брюхо», всё дело в нефти, пшенице, угле, руде.
В те месяцы молниеносно повышались генеральские и офицерские звания «ге-

В нескольких местах ударная армия Манштейна - танки генерал-полковника Гота - прорвала нашу оборону, приблизилась к окружённой группировке Паулоса на шестидесяти километров, и немецкие танковые экипажи уже видели багровые зарева над Сталинградом. Манштейн радировал Паулосу: «Мы придём! Держитесь! Победа близка!»
Но фельдмаршал Манштейн не выручил Паулоса. Остатки танковых дивизий, вышедших ночью зарево на горизонте, откатылись к Котельникову. Наши армии всё теснее сжимали в кольцо напрасно ожидающую помощи окружённую группировку под Сталинградом. И одновременно часть войск, сдержав танковый натиск, начала активное наступление на юге.
Тогда и Гитлер, и Манштейн, точно улавливающий каждое желание фюрера, пришли к единому выводу: окружённую двухсоттысячную армию следует принести в жертву - погибнуть без капитуляции, стрелять до последнего патрона. Среди солдат и офицеров распространился неподписанный свыше приказ - кончать жизнь самоубийством. Фельдмаршал Манштейн, которому непосредственно подчинена была окружённая армия, прекратил сношения со штабом Паулоса, перестал отвечать на его радиосообщения. Потом холодно и расчётливо фельдмаршал прекратил снабжение с воздуха, прекратил вывоз раненых, хотя в то же время из окружения вывозились «имеющие ценность специалисты», необходимые для продолжения войны. Остальные обречались на гибель. Армия была как бы списана.
Утром 31 января пришла последняя радиосообщения из ставки Гитлера - с пыльным текстом о производстве Паулоса в генерал-фельдмаршалы. Это было скрытое приращение к самоубийству. Паулос всё понял, но нашёл другой выход - плен.
В этот же день была отправлена Гитлеру радиосообщения чрезвычайного содержания: «У дверей русский...»
Наш генерал с переводчиком стоял возле двери штаба в подвалах разбитого университета.
Так закончилась эта невиданная в истории войны битва, эти первые Канны белой немецкой армии. Это поражение было символическим могильным крестом, замаячившим над ореолом непобедимой фашистской Германии.
...Вот почему у фельдмаршала заболело горло, когда издатель позвонил ему по телефону и заговорил о Сталинграде и русском писателе.
Россия
Все великие утопии, философии, искусство, всё, содеянное ради человека, было рождено совестью, которая, однако, стала химерой в «третьем рейхе», уничтожившем 56 миллионов людей. Человеческая боль и страдания сороковых годов нашего столетия остались невыученными уроками истории. Трагический урок продолжится. Сейчас, в так называемое мирное время, на земле произошло более 100 больших локальных войн, и потеряны исчисляются миллионами человеческих жизней.
«Что, у вас действительно идёт гражданская война в литературе?» Нет, пожалуй, гражданской войны в искусстве я пока не вижу. Но я бы определил нынешнее состояние русской литературы, осаждённой полностью-разрушающей частью нашей критики, как положение, создавшееся в июле 1941 года, когда прогрессивные силы, оказывая неорганизованное сопротивление, отступали под натиском таранных ударов цивилизованных варваров - ударов, рассчитанных на уничтожение русской культуры, как и в былые времена, ставшие далёкой историей.
Если это отступление будет продолжаться и не наступит пора Сталинграда - дело кончится тем, что национальные ценности и всё то, что является духовной гордостью народа России, будут опрокинугты в пропасть.
Лжедемократы от литературы загляли над краем пропасти украденный у справедливости и правды фонарь гласности. Эта украденная гласность предоставлена нашими средствами массовой информации и печати только одной стороне - наступающей, разрушительной, широко отступающей вораота для серости, честолюбцев, фальшивых якобинцев, бесталанных новоспечённых гениев. Когда же уничтожаются соловьи - и воробей становится высокоталантливой певчей птицей.
После Стаинграда
Город Котельниково навсегда останется в моей памяти не только потому, что связан со славой Сталинградской битвы, но и потому, что тогда была юность, влюблённость в жизнь, вера в будущее товарищество, и был тогда ослепительный морозный день, белизна снега, разрывы в ярком декабрьском небе над степью...
Сражение ещё не проиграно
Уже многие понимают, что антилатическая оккупация нашей евразийской культуры превращает её в серую студенистую космополитическую топь, бескрутую и дряхлую, способную втянуть в себя и задушить всякий живой талант национальной индивидуальности, высосать все соки, питающее его... Но приходит срок, и зарождается Сталинград, за которым земли для нас уже нет, когда остаётся лишь надежда на решительное сражение, ещё не проигранное, сражение во имя жизни национальных культур.

Сталинград памяти
из книги «Мгновения»

ему то, что испытывал двадцать пять лет назад, когда стрелял по его танкам в незабытые дни 1942 года.
Но я понимал, почему фельдмаршал, этот «не побеждённый на поле боя», опасался разговоров о Сталинградской операции...

Оборона Сталинграда

кономером. До предела сжатая пружина стала разжиматься с неукротимой разрушительной силой. Война вошла в новую свою фазу.
Проклина дни отступлений, мы тогда, конечно, не могли со всей очевидностью предполагать, что наше успешное наступление в ноябре, в декабре, наши атаки, удары броневых снарядов по танкам в окружённой группировке - всё это было началом конца страшной войны, битвой в глубине России на уничтожение.
Мы лишь чувствовали нечто новое, долго ожидаемое, наконец с ощущением собственной силы начатое, - и, видимо, ощущение это было предзнаменованием Победы. Но впереди ещё были неисчислимые километры наступления, боя, потери, и мы зрительно представляли этот тяжёлый путь сражений в сталинградских степях.

Окружённая группировка Паулоса получила одну из другой радиосообщения Гитлера с приказом держаться до последнего солдата. Он, Гитлер, понимал, что потеряв Сталинград - значило потерять инициативу, навсегда уйти с берегов Волги, то есть из самых глубин России. Он обещал интенсивное снабжение с воздуха и мощную помощь четырьмя танковыми дивизиями из района Котельниково.
И вот тогда командующий группой армий «Дон» фельдмаршал Эрих фон Манштейн получил приказ начать операцию деблокирования, прорыва с юга к окружённым войскам. Эта операция могла решить многое, если не всё. Только теперь я понимаю, что весь исход битвы на Волге, вся канская операция трёх наших фронтов, может быть, даже сроки окончания всей войны как бы зависели от успеха или не успеха начатого в декабре деблокирования. Танковые дивизии были тараном, нацеленным с юга на Сталинград.
Я хорошо помню неистовые бомбежки, когда небо чернотой соединялось с землёй, и эти песочного цвета стада танков в снежной степи, ползущие на наши батареи. Я помню раскалённые стволы орудий, непрерывный гром выстрелов, скрежет Лязг гусениц, распыхнутые телогрейки солдат, мелькающие со снарядами руки зарежающих, чёрный от копоти пот на лицах наводчиков, чёрно-белые смерчи разрывов.

И лишь тогда я понял, почему издатель попросил меня посмотреть эту газету.
Утром во время встречи с ним, узнав, что я интересуюсь материалами Второй мировой войны, издатель развернул передо мной газету, сказал: «Хотел бы, чтобы вы встретились с фельдмаршалом Манштейном. Да, он жив, ему восемьдесят лет... Но думаю, что он побойится разговора с вами. Солдатские газеты много пишут о нём в хвалебном тоне. Называют его стратегом и даже не побеждённым на поле боя. Задаёт ему несколько вопросов, чтобы старый пруссак понял,

что он участник преступления. А впрочем, сейчас...»
Издатель решительно подошёл к телефону и через справочную узнал номер фельдмаршала. Я хорошо слышал последующий разговор. Старческий голос в трубке надолго замолчал, как только издатель сказал, что господину фельдмаршалу хочет задать несколько вопросов русский писатель, занявший изучением материалов Второй мировой войны, в том числе, конечно, и Сталинградской операции.
Длилась томительная пауза, потом старческий голос не без удивления переспросил: «Русский писатель? О Сталинградско? - и опять после паузы, с пунктуальностью военного: - Какие именно изучаете вопросы?» Затем, после осторожного молчания: «Пусть изложит письменным вопросом». Затем, после длительной паузы: «Я всё сказал в своей книге „Потерянные победы“». О себе и о Паулосе. И наконец: «Нет-нет, я никак не могу встретиться, я простужен, господин издатель. У меня болит горло. Я плохо себя чувствую».
- Я так и думал, - сказал издатель, положив трубку. - У этих воjak всегда болит горло, когда надо серьёзно отвечать.
В сущности, я не очень хотел бы этой встречи с восьмидесятилетним гитлеровским фельдмаршалом, ибо испытывал к

калены русским солнцем, русская пыль густым слоем покрывала крупновскую броню. И этот горячий запах русской пыли, запах выжженных приволжских степей сильнее порционного рома опьянял солдат и наркотически опьянял Берлин, на весь мир шумевший победными речами. В рейхсканцелярии ежедневно устраивались роскошные, почти древнеримские приёмы, на которых высшие чины рейха и генералы с самоуверенными выбритыми лицами, внушительно сверкая орденами на парадных мундирах, жали друг другу руки между глотками шампанского, а женщины, обольстительно улыбаясь, блистали драгоценностями, награбленными в павшей Европе и на завоеванных территориях «жизненного пространства». Весь мир затаил дыхание: казалось, ещё шаг немецкой армии - и Россия падёт. В те же опьяняющие победы месяцы хромающий, сухощавый человек с сильными надбровными дугами - рейхсминистр Геббельс, как бы забыв о великих «идеалах немецкого народа», о которых он так наигранно-страстно любил говорить, уже нестеснительно заявил на весь мир, что цель войны - «набить себе брюхо», всё дело в нефти, пшенице, угле, руде.

В те месяцы молниеносно повышались генеральские и офицерские звания «ге-